

Николаев Василий Владимирович

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (XIX-XX ВВ.)

Статья посвящена патронатным отношениям у коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX-XX вв. Исследование опиралось на широкий круг источников, включавших полевые материалы автора, архивные сведения и данные похозяйственных книг. Социальный патернализм представлял собой комплекс традиционных норм и обычаев, направленных на обеспечение воспроизводства населения и сохранение жизни каждого человека, особо значимой в условиях высокого уровня смертности в традиционном обществе. В течение XX в. коренным населением были утрачены традиции взаимопомощи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 115-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Халтурин А. Н.** Механизм этнокультурного взаимодействия: социально-философская интерпретация // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (71). С. 215-217.
6. **Чеснова Е. Н.** Духовно-нравственное учение А. Т. Болотова и феномен веры // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. Вып. 4. С. 126-134.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL STUDY OF LOCAL LORE AS A FACTOR OF CULTURAL TOURISM DEVELOPMENT IN TULA REGION

Nazarov Vladimir Nikolaevich, Doctor in Philosophy, Professor
Chesnova Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy
Mart'yanova Elena Georgievna, Ph. D. in Philosophy
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
phileo@tsput.ru; Elenika.Nova@gmail.com; helena183@yandex.ru

The article reveals the idea of religious and philosophical study of local lore for the first time introduced into scientific circulation, which is at the junction of such directions of philosophical thought as philosophy of religion, philosophy of culture, and social philosophy. The feature of this article is that it reveals the idea of cultural ethos and associated with it topos, which have found their expression in religious and philosophical heritage of A. T. Bolotov, A. S. Khomyakov, L. N. Tolstoy, and M. V. Lodyzhensky. This idea finds support in development of cultural tourism in Tula region. Practical implementation of the idea of religious and philosophical study of local lore is for the first time developed tourist route "Following Religious Philosophers of Tula Region: Traditions of Ancient and Modern Days".

Key words and phrases: cultural tourism; religious and philosophical study of local lore; cultural ethos; topos; A. T. Bolotov; A. S. Khomyakov; L. N. Tolstoy; M. V. Lodyzhensky; Tula region.

УДК 316.614+392

Исторические науки и археология

Статья посвящена патронатным отношениям у коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX-XX вв. Исследование опиралось на широкий круг источников, включавших полевые материалы автора, архивные сведения и данные похозяйственных книг. Социальный патернализм представлял собой комплекс традиционных норм и обычаев, направленных на обеспечение воспроизводства населения и сохранение жизни каждого человека, особо значимой в условиях высокого уровня смертности в традиционном обществе. В течение XX в. коренным населением были утрачены традиции взаимопомощи.

Ключевые слова и фразы: социальный патернализм; коренные народы Алтая; перепись 1917 г.; похозяйственные книги; семейная структура.

Николаев Василий Владимирович, к.и.н.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
nikolaevvv06@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (XIX-XX ВВ.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Ориентация коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) на внешний патронат со стороны государства (начиная с Российской империи и по сей день) обусловлена традицией социального патроната, сложившейся в условиях трудностей выживания человека в тайге и зависимости комплексного хозяйства от природно-климатических изменений, а также особенностей традиционного типа воспроизводства населения, характеризующегося высоким уровнем смертности и низким уровнем продолжительности жизни. Социальный патернализм у коренного населения предгорий Северного Алтая так и не стал темой самостоятельного исследования. Отдельные аспекты данного явления были освещены в работах Ф. А. Сатлаева [12], этносоциальная проблематика патернализма на уровне взаимодействия между государством и коренными народами Южной Сибири была рассмотрена А. Н. Садовым [11] и т.д.

В настоящей работе нами предпринята попытка обобщения и анализа накопленного материала по рассматриваемому вопросу. Источниковой базой для написания данной статьи стали полевые материалы автора, полученные в ходе этнографических поездок в села Красногорское Красногорского района и Солтон Солтонского района Алтайского края и село Турачак Турачакского района Республики Алтай в 2016 г. Дополнительную

информацию можно почерпнуть из документов, хранящихся в региональных и районных архивах, а также из похозяйственных книг сельсоветов Турачакского и Чойского районов Республики Алтай и Красногорского и Солтонского районов Алтайского края.

Патронатные отношения у коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев), как и у других тюркоязычных народов Сибири, выражались в существовании различных обрядов и обычаев, аккумулировавшихся и транслировавшихся старшим поколением. В традиционной культуре можно выделить значительный пласт подобных культурных элементов, связанных с семейной обрядностью.

Так, уже с момента рождения человек становился объектом патронатных действий со стороны родственников. В течение первого года жизни первенца молодая пара посещала ближайших родственников жены. Данный обряд носил название *торгун*. Во время визитов практиковалось одаривание новорожденного скотом (*тиши* – букв.: «молочные зубы») [1, с. 18; 7, с. 63; 11, с. 116]. Таким образом, в ходе обрядовых практик закладывалась материальная база будущей семьи новорожденного.

Следующий этап был связан с выбором брачного партнера ребенку. Традицией подобная обязанность накладывалась на родителей и старших родственников (дядя по матери и т.д.) как более опытных, способных найти достойную спутницу своему сыну. В ходе сватовства выяснялась родовая принадлежность кандидатки в соответствии с обычаем экзогамии, затем ее физическое и психическое здоровье, достоинства и недостатки, хозяйственные навыки. Важной составляющей переговоров двух сторон являлся размер калыма и приданого. Калым выступал своеобразным цензом, индикатором, свидетельствующим о том, что принимающая девушку сторона способна обеспечить и поддержать новую семью. Таким образом, калым и приданое можно рассматривать как свидетельство материальной обеспеченности стороны жениха, выражавшейся в размерах выкупа, и передачу адекватных по ценности предметов домашнего обихода в виде приданого стороной девушки, т.е. своеобразное проявление патронатных отношений.

Погребально-поминальный цикл также включал в себя обычаи и обряды патронатного характера: левирата, усыновления (удочерения). Так, практиковалась женитьба младшего брата на вдове старшего. Решение принимал глава патриимии. При этом согласия жениха, часто на момент бракосочетания несовершеннолетнего, никто не спрашивал. Смерть всех старших родственников ставила под вопрос выживание оставшихся детей. Сирот обычно принимала в свою семью бездетная супружеская пара, если такая была, или другие родственники. Не оставались без заботы престарелые люди, потерявшие близких родственников [9]. Если обратиться к материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., то обнаруживается совместное проживание детей и их престарелых родителей, а зачастую и родственников по боковой линии (дяди, тети и т.д.), потерявших трудоспособность. Доля патронатных семей в семейной структуре автохтонов в 1917 г. была заметной: от 20,5% у автохтонов Троицкой до 33% у коренного населения Тайнинской волости (Табл. 1).

Таблица 1.

**Семейный состав коренного населения предгорий Северного Алтая
по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. [4; 5]**

Название волости	Всего семей, кол-во	В том числе семьи с:			Итого, %
		родителями, %	родителями и родственниками, %	родственниками (в т.ч. внуки и племянники), %	
Верхне-Бийская	584	8,3	5,8	10,1	24,2
Лебедская	126	4	7,7	10,3	22
Нижне-Кумандинская	494	6,2	3,4	13,2	22,8
Озеро-Куреевская	99	1	10	14	25
Паспаульская	215	10	3,4	10,5	23,9
Сузопская	170	6,8	6,6	16,1	29,5
Тайнинская	104	5	6	22	33
Троицкая	64	9,5	8	3	20,5
Урунская	383	5	5,3	13,5	23,8

С открытием в 1828 г. Алтайской духовной миссии появилась альтернатива традиционным патронатным отношениям. Первоначально прозелитические практики миссионеров были ориентированы на социально незащищенные слои автохтонного населения: сирот, больных, одиноких и т.д. Крещение сопровождалось предоставлением материальной помощи [10, с. 202-203]. Стремясь реализовать миссионерские задачи, руководство Алтайской духовной миссии расширяло сеть миссионерских поселений (где предоставлялось жилье новокрещенцам), открывало пансионаты (в которых дети содержались за счет миссии) при школах и т.д. Монастыри становились прибежищем для сирот и обездоленных аборигенов. Так, по данным клировых ведомостей за 1902 г., среди насельников Чолышманского монастыря было 9 девушек из инородческого сословия, из которых 4 монахини, 1 учительница в монастырской школе, 2 ученицы той же школы, 4 воспитанницы из Улалинского детского приюта [3, д. 61, л. 232 об. – 264 об.]. Миссионерские поселения, монастыри, храмы становились центрами помощи нуждающимся. В этом плане интересна метрическая книга Кебезенского отделения начала XX в. В числе прочих указан крещеный «подкидыш», переданный на воспитание местному инородцу [2, д. 195, л. 257 об.]. Данный факт позволяет говорить не только об альтернативе социальной

помощи в лице миссионеров, но и их попытках регулирования социальных отношений у коренных этнических сообществ, постепенно нараставших в советские годы.

В советский период традиции социального патроната постепенно нивелировались. Данная тенденция шла параллельно с утратой традиционной культуры в силу ассимиляционных и аккультурационных процессов, обусловленных модернизацией, ростом численности пришлого населения, а значит, и контактов с ним. Указанные тенденции были сопряжены с политическими и социально-экономическими событиями: коллективизацией, репрессиями, Великой Отечественной войной, национальной политикой, возрастанием мобильности населения и т.д.

В 1920-е – 1930-е гг. у коренного населения предгорий Северного Алтая еще сохраняется традиция взаимопомощи, но уже, видимо, подвергавшаяся социальному контролю (о регулировании можно говорить лишь применительно ко второй половине XX в.) со стороны государственных структур. Так, в документе «Сведения о количестве опеки, учиненных с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г. по Старобардинскому району» (совр. Красногорский район) содержится 4 свидетельства об опекунстве кумандинских семей над сиротами-соплеменниками [6, д. 9, л. 115 – 115 об.]. Стоит отметить, что в трех случаях фамилии опекунов и опекаемых совпадают, что позволяет предполагать наличие родственных связей между ними.

События 1930-1940-х гг. способствовали архизации социальных отношений, обусловив в некоторой степени возрождение патронатных и родственных отношений. Мобильность аборигенного населения в рамках рассматриваемого региона в условиях репрессий соответствовала расселению родственников. Некоторые информаторы в с. Красногорском указали, что их родители, желая избежать ссылки и иных наказаний, переехали в 1930-е гг. в Старобардинский (совр. Красногорский) район из Турачакского. На новом месте жительства вновь прибывшим оказывалась помощь в обустройстве [9].

Не всем удалось избежать ссылки. По воспоминаниям информаторов, были случаи, когда в населенный пункт «приблуждали» одинокие дети из числа коренного населения, видимо, отправленные родителями в надежде их спасти. Такие дети в большинстве случаев принимались на воспитание в семьи соплеменников. Лишь в одном случае девочка воспитывалась одинокой русской женщиной [Там же].

Тяжелым испытанием для автохтонного населения предгорий Северного Алтая стали годы Великой Отечественной войны. Массовая гибель мужчин на фронтах, высокая смертность в тылу привели к значительному росту количества сирот, одиноких пожилых людей. Большая их часть была принята в семьи родственников в соответствии с традицией взаимопомощи. По словам информаторов, сироты могли «кочевать» от одной семьи родственников к другой в пределах населенного пункта, задерживаясь на несколько дней; в детдома сирот не отдавали (подобное, по мнению респондентов, стало обычным явлением только после войны). Интересен тот факт, что некоторые дети из числа автохтонного населения оказались в семьях русских, и наоборот. Так, в с. Солтоне проживает внучка местного священника, удочеренная в годы войны кумандинской семьей, фамилию которых она до сих пор носит [Там же].

В годы войны в каждом районе, где проживало коренное население предгорий Северного Алтая, были образованы 1–2 детских дома. В г. Горно-Алтайске была образована Национальная школа, куда попадали сироты из числа коренного населения Алтая [Там же]. Несмотря на заявления информаторов, имеются документальные свидетельства о передаче сирот в детдома. Так, в «Книге приказов Озеро-Куреевского детского дома» сохранился список провинившихся воспитанников (к сожалению, полного списка сирот детского дома не удалось найти). Из 19 перечисленных в документе фамилий 3 имеют отношение к коренному населению предгорий Северного Алтая: Аргоков, Будуев, Емеков [13, д. 1, л. 34]. Другим примером являются данные из похозяйственной книги Тунжинского с/с (совр. Чойский район РА) за 1941–1943 гг.: передача в детдом брата с сестрой вследствие смерти их мамы и тети [14, д. 9]. Таким образом, все-таки некоторые дети из числа аборигенного населения оказывались в специализированных детских учреждениях.

Во второй половине XX в. продолжились изменения: увеличивается количество одиноких, становятся обычным явлением неполные семьи, утрачиваются обычаи и традиции (например, левират), или их соблюдение становится лишь данью традиции (например, калым и приданое) [9].

Постепенно с нивелированием традиционной культуры размываются и традиции социального патернализма у коренного населения предгорий Северного Алтая, на смену которому пришла государственная социальная поддержка. Уже в 1953 г. на заседаниях сессий, например, Чапшинского сельсовета, рассматриваются ходатайства многодетных одиноких матерей (в т.ч. кумандинских) «о выдаче документов на получение госпособия на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.» [8, д. 14, л. 7-9]. Государство берет на себя ответственность по строительству жилья для молодых семей, детских домов, обеспечение материальной поддержки незащищенных социальных слоев общества в виде пособий и льгот.

В результате доля патронатных семей в семейной структуре автохтонов к 1970-м гг. существенно сокращается у большинства этнолокальных сообществ, в то время как у коренного населения Солтонского сельсовета данный показатель сопоставим с данными за 1917 г. За количественными показателями скрыты качественные трансформации семейной структуры аборигенов. В первую очередь сократилась доля семей с родителями и родственниками и в меньшей степени – семей с родителями. Данная тенденция в основном была обусловлена процессом нуклеаризации семей, а также разрывом родственных отношений в результате миграций (например, вследствие ликвидации неперспективных сел в 1960-е гг.). Иные показатели по Солтонскому с/с обусловлены сосредоточением аборигенного населения в райцентре с. Солтон и объединением родственников в общие домохозяйства (Табл. 2).

Таблица 2.

**Семейный состав коренного населения предгорий
Северного Алтая по данным похозяйственных книг начала 1970-х гг.**

Название сельсовета	Всего* семей, кол-во	В том числе семьи с:			Итого, %
		родителями, %	родителями и родственниками, %	родственниками (в т.ч. внуками), %	
Каракокшинский	102	2	0	9	11
Кебезенский	230	6,6	1,6	13,6	21,8
Кумандинский	40	2,5	2,5	10	15
Нижнененинский	46	7	0	13	20
Паспаульский	89	9	1	12,8	22,8
Солтонский	43	2	9	22	33
Сузопский	51	4	0	18	22
Турачакский	101	9	1	6	16
Ыныргинский	70	10	0	12	22

* с учетом смешанных семей.

Таким образом, социальный патернализм у коренного населения предгорий Северного Алтая представлял собой комплекс традиционных норм и обычаев, направленных на обеспечение воспроизводства автохтонного сообщества и сохранение жизни каждого этнофора, особо значимой в условиях высокого уровня смертности в традиционном обществе. Нивелирование традиционной культуры, особенно усилившееся во второй половине XX в., сопровождалось миграцией коренного населения, разрывом межпоколенческих связей, демографическим переходом и структурными изменениями в демографической сфере и было сопряжено с забыванием традиций взаимопомощи и ориентацией на государственную социальную помощь, уходящую своими корнями в рамках рассматриваемого региона в период деятельности Алтайской духовной миссии.

Список литературы

1. Бельгибаев Е. А., Николаев В. В. Традиционная свадебная обрядность туба // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 14-19.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 144. Оп. 6.
3. ГААК. Ф. 164. Оп. 1.
4. ГААК. Ф. 233. Оп. 1а.
5. ГААК. Ф. 233. Оп. 1б.
6. ГААК. Ф. 1181. Оп. 1.
7. Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции чалканцев. Горно-Алтайск, 1999. 176 с.
8. Красногорский районный архив Алтайского края. Ф. 88. Оп. 1.
9. Личный архив автора. П. 6. Материалы этнографической экспедиции 2016 г. в Красногорский и Солтонский районы Алтайского края и Турачакский район Республики Алтай.
10. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.
11. Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX-XX вв.: этносоциальные аспекты патернализма: автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2000. 42 с.
12. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы: историко-этнографический очерк (XIX – первая четверть XX в.). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. 200 с.
13. Турачакский районный архив Республики Алтай. Ф. 18. Оп. 2.
14. Чойский районный архив Республики Алтай. Ф. Р-7. Оп. 1.

**SOCIAL PATERNALISM AMONG INDIGENOUS PEOPLE OF THE NORTHERN ALTAI FOOTHILLS:
TRADITIONS AND INNOVATIONS (THE XIX-XX CENTURIES)**

Nikolaev Vasilii Vladimirovich, Ph. D. in History

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

nikolaevv06@mail.ru

The article analyzes paternalistic relations among indigenous people of the Northern Altai foothills in the XIX-XX centuries. The study is based on a wide range of sources including the author's field materials, archival data and inventory records. Social paternalism was a set of traditional norms and customs aimed to provide population reproduction and preservation of human life especially valuable under the conditions of the high death rate in the traditional society. During the XX century indigenous people lost traditions of mutual help.

Key words and phrases: social paternalism; Altai indigenous people; census of 1917; inventory records; family structure.